

гордость, зависть. Праведники ведут с ними непримиримую войну, а толпа уверена, что без них и прожить невозможно. Кроме того, существуют страсти, так сказать, нейтральные, словно бы естественные; таковы любовь к отечеству, нежность к детям, к родителям, к друзьям. Толпа платит всему этому немалую дань, но праведники всячески стараются изгнать из своей души все названные склонности или, по крайней мере, сообщают им духовный характер, так что даже отца своего любят уже не как отца (ибо что он породил на свет, кроме тела? да и тем обязан не себе самому, а Богу-Творцу), но как славного мужа, в коем отраженно сияет образ верховного разума, называемого ими верховным благом. Вне этого блага они не знают ничего, достойного любви и стремлений.

Этим правилом руководствуются люди благочестивые и во всех прочих житейских делах: ежели они не совсем презирают какую-либо видимую вещь, то все же ценят ее гораздо ниже того, что недоступно оку. Они различают плоть и дух даже в таинствах и в других церковных обрядах. Так, они не верят, в отличие от большинства людей, будто пост состоит только в воздержании от мяса и отказа от вечерней трапезы, но проповедуют пост духовный, заключающийся в умерщвлении страстей, подавлении гнева, и гордости, дабы дух, не удручаемый бременем плоти, мог с тем большей силой устремиться к познанию небесных благ. Так же мыслят они и об евхаристии: если обрядом причастия, говорят они, и не следует пренебрегать, то все же он не столь спасителен, как это обычно полагают. Он даже может сделаться вредным, если в нем не будет духа, то есть воспоминания о тех событиях, кои изображаются при помощи чувственных знамений. Знамения же напоминают нам о смерти Иисуса Христа, и христиане обязаны подражать этой смерти, укрощая, подавляя и словно погребая свои страсти, дабы воскреснуть для новой жизни и соединиться со Христом Иисусом, соединяясь в то же время друг с другом. Такова жизнь, таковы постоянные помышления праведников. Напротив, толпа не видит в богослужении ничего, кроме обязанности становиться поближе к алтарю, прислушиваться к гудению голосов и глазеть на обряды.

Не только в указанных мной для примера случаях, но и во всех обстоятельствах жизни убеждает праведник от всего, что связано с телом, и стремится к вечному, невидимому и духовному. И так как отсюда рождаются постоянные несогласия между ним и остальными людьми, он упрекает их в безумии, а они отвечают ему тем же. Я же полагаю, что название безумца больше подобает праведникам, нежели толпе.

ГЛАВА LXVII

Дабы это стало еще очевиднее, я, согласно моему обещанию, в немногих словах докажу, что награда, обещанная праведникам, есть не что иное, как своего рода помешательство. Еще Платон имел в виду нечто подобное, когда написал, что "неистовство дарует влюбленным наивысшее блаженство". В самом деле, кто страстно любит другого, тот живет уже не в себе, но в любимом предмете и, чем более он от себя удаляется, дабы прилепиться душою к этому предмету, тем более ликует. Но когда душа словно бы покинула тело и уже не в силах управлять телесными членами, то как прикажете назвать такое состояние, если не исступлением? Это подтверждают и общераспространенные поговорки: "Он вне себя", "Он вышел из себя", "Он пришел в себя". Далее, чем совершеннее любовь, тем сильнее неистовство и тем оно блаженнее. А теперь задумаемся, какова та небесная жизнь, к которой с такими усилиями стремятся благочестивые сердца? Их дух, мощный и победоносный, должен поглотить тело. Ему тем легче будет совершить это, что тело, очищенное и ослабленное всей предыдущей жизнью, уже подготовлено к подобному превращению. А затем и самый дух этот будет поглощен бесконечно более могущественным верховным разумом, и тогда человек, оказавшись всецело вне себя, ощутит несказуемое блаженство и приобщится к верховному благу, все в себя вобравшему. Хотя блаженство это может стать совершенным лишь в миг, когда усопшие души, соединившись с прежними своими телами, получают бессмертие, однако, поскольку жизнь праведников есть лишь тень вечной жизни и непрестанное размышление о ней, им позволено бывает заранее отвесть обещанной награды и ощутить ее благоухание, И одна эта малая капля из источника вечного блаженства превосходит все телесные наслаждения в их совокупности, все утехи, доступные смертным. Вот в какой мере духовное превосходит телесное, а невидимое возвышается над видимым! Именно об этом вещал пророк, говоря: "Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его". Такова эта частица Мории, которая не отъемлется при разлучении с жизнью, но, напротив, безмерно возрастает. Эта малая капля трижды блаженной Глупости достается на земле лишь немногим. Они уподобляются безумцам, говорят несвязно, не обычными человеческими словами, но издавая зву-